

Ретроспективный анализ в жанре устной истории бесед с жителями дореформенного российского города

Ю. Н. Смирнов

Для цитирования: Смирнов Ю. Н. Ретроспективный анализ в жанре устной истории бесед с жителями дореформенного российского города // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 2. С. 361–377. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.203>

Анализ культурных и исторических представлений купцов и мещан Самары в середине XIX в. стал возможен благодаря записям их рассказов, сделанных Г. Н. Потаниным. Его записям оказались присущи особенности и закономерности, которые были выявлены при фиксации и изучении живой устной традиции в современных исследованиях. Эти самарские материалы имеют не только региональное значение, они уникальны для провинциальных городов всей России. В частности, выявлена возможность использовать при их анализе методы «устной истории». Рукописи Г. Н. Потанина «Записки о Самаре» и «Дедушка из Самары» были созданы для Русского географического общества и хранятся в его архиве. При их создании практически не использовались письменные источники. Г. Н. Потанин отдавал предпочтение устным рассказам старожил из числа рядовых горожан. Представители дворянства и чиновничества им не опрашивались. Полученные устные свидетельства почти не подвергались критике. Фиксировались, часто дословно, и достоверные, и фантастические варианты местных преданий. Благодаря этому местная устная традиция сохранена очень полно и подробно. В записях Г. Н. Потанина прослежена трансформация исторической памяти. В живом виде она сохранялась, пока оставались очевидцы событий, около 80 лет. В обществе, где не было ее письменной фиксации в мемуарах и научных трудах, происходило замещение реалий прошлого мифами. Коллективное сознание сохраняло только самые яркие или общезначимые события. Для Самары таковыми стали плавание святителя Алексия по Волге, занятие города пугачевцами в 1773 г., эпидемия холеры 1830 г. и некоторые другие. Отмечено параллельное бытование рационального осмысления событий и полусказочных преданий о них. Собеседники Г. Н. Потанина также касались перемен в хозяйстве, бытовом укладе и прочих сторонах жизни своего города. Записи бесед с самарскими жителями ждут внимательного изучения специалистами различных областей гуманитарного знания. Их наличие оставляет надежду на обнаружение схожих источников по другим городам России.

Ключевые слова: российская история, XIX в., региональная история, культурные представления, историография, источниковедение, методы устной истории, историческая память.

Юрий Николаевич Смирнов — д-р ист. наук, проф., Самарский национальный исследовательский университет, Российская Федерация, 443011, Самара, ул. акад. Павлова 1; smirnov195503@yandex.ru

Yurii N. Smirnov — Doctor in History, Professor, Samara University, 1, ul. Akademika Pavlova, Samara, 443011, Russian Federation; smirnov195503@yandex.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2018

Retrospective Analysis of Conversations with Residents of the Pre-Reform Russian City in the Genre of Oral History

Yu. N. Smirnov

For citation: Smirnov Yu. N. Retrospective Analysis of Conversations with Residents of the Pre-Reform Russian City in the Genre of Oral History. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2018, vol. 63, issue 2, pp. 361–377. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.203>

The analysis of cultural and historical perceptions of merchants and petty bourgeois of Samara in the middle of the 19th century became possible thanks to the records of their stories made by G. N. Potanin. His notes had distinct attributes and patterns that have been revealed in the process of indentifying and examining of the living oral tradition in modern research. These material from Samara is not only of regional interest, bu also unique as far as all Russian provincial cities are concerned. In particular, it has been shown that their analysis enables to use methods of “oral history”. Manuscripts “Notes on Samara” and “Grandfather from Samara” by Potanin were made for the Russian Geographical Society and are kept now in its archive. During their creation written sources were almost never used. Potanin gave preference to oral stories by old-timers representing average residents. Representatives of the nobility and bureaucracy were not questioned by them. The received oral testimonies were hardly criticized. He fixed, often verbatim, both reliable and fantastic versions of local stories. Due to this method, the local oral tradition has been preserved very fully and in detail. The records by Potanin traced the transformation of historical memory. It had been alive for about 80 years, while there remained eyewitnesses of events. In a society where it was not recorded in memoirs and scholarship, the realities of the past were replaced with myths. Collective consciousness retained only the most vivid or generally significant events. Records of conversations with Samara residents are yet to be careful studied by specialists from various fields of humanitarian knowledge. The existence of such notes give hope for discovering similar sources in other cities of Russia.

Keywords: Russian history, the 19th century, local history, cultural ideas, historiography, source studies, methods of oral history, historical memory.

Может ли современный историк, работающий в жанре «устной истории», использовать в своих работах интервью с теми, кто жил до него десятилетиями или даже столетиями ранее? Нет, если речь идет о составлении таких интервью заново. Да, если такие записи были уже сделаны и дошли до нас в виде, поддающемся обработке с помощью методик, принятых в настоящее время¹. Анализ такой информации будет непринципиально отличаться от работы с интервью наших современников. Трудная задача не является безнадежной, хотя имеет ограниченное число решений по месту и во времени. Одно из подобных решений оказалось возможным при изучении русского дореформенного города на примере Самары.

Понимание важной роли провинциальных городов для социальной жизни и культуры дореволюционной России было вызвано наблюдением, а затем и осмыслением того факта, что разночинская городская среда в XIX — начале XX столетия выводила своих представителей на ведущие позиции в художественной, научной и общественно-политической сферах, потеснив выходцев из дворянства. Так,

¹ Решения конференции // Проблемы устной истории и современность: материалы Третьей научной конференции / отв. ред. Ю. В. Костяшов. Калининград, 1992. С. 49–50.

Н. К. Пиксанов среди «областных культурных гнезд» отдавал первенство провинциальным городам, поскольку в целом русская культура рассматривалась им как «одна из самых провинциальных в Европе», а состав городского населения России был «наиболее демократичен»².

Однако при внимании к модернизационным инновациям культурные представления основной массы городского населения, не принадлежавшего к образованным и привилегированным слоям, не вызывали особого интереса исследователей. В 1990-е — 2000-е годы ситуация изменилась с выходом интересных диссертаций, монографий, статей, посвященных горожанам XIX в.³ Но многие стороны культуры, социальной жизни и общественного сознания, исторических представлений обитателей русского провинциального города по-прежнему остаются вне внимания. Отмеченный историографический пробел был учтен при определении темы нашей статьи.

Также при изучении городской купеческо-мещанской среды ощущается недостаток источников, особенно созданных непосредственно в этой среде. Не случайны предложения ряда современных исследователей определить данную часть городского населения как «безмолвное большинство»⁴ или «молчаливое большинство»⁵. Конечно, здесь подразумеваются отсутствие или недостаток письменных материалов личного происхождения, а не речевой информации, в виде которой как раз артикулировались и транслировались социальный опыт и коллективные представления многих поколений. В данной ситуации следует согласиться с теми, кто считает: «В условиях, когда почти полностью отсутствуют “эго-документы”, особое значение приобретает метод устной истории»⁶.

Приемы «устной истории» не являются недавним методологическим новшеством. На устные свидетельства и предания опирался Геродот, создавая свою «Историю», и более поздние хронисты, летописцы, историографы древности или Средневековья. Опыт «устной истории» исчисляется веками и даже тысячелетиями. По мере развития письменности, книгопечатания, архивного дела приоритет в исторической науке отошел от устной традиции к письменным источникам. Во второй половине XX в. происходит возрождение интереса к устным источникам и становление «устной истории» в виде особого подхода к изучению прошлого, который, как считают многие исследователи, привел к появлению самостоятельной исторической дисциплины с тем же названием⁷.

В западной, прежде всего американской, историографии процесс разработки и освоения данного подхода начался в 1940-е годы с работ «первого поколения

² Пиксанов Н. К. Областные культурные гнезда. М.; Л., 1928. С. 20, 58.

³ См.: Бирюкова А. Б. Социокультурное пространство и повседневная жизнь поволжских городов первой половины XIX века (историографический аспект): дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2006; Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: социальные и культурные аспекты. М., 2008; Кобозева З. М. Мещанство городов Самарской и Симбирской губерний в пространстве власти и повседневности // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2014. № 2 (30). С. 22–31.; и др.

⁴ Очерки русской культуры XIX века. Т. 1. Общественно-культурная среда. М., 1998. С. 126, 196.

⁵ Куприянов А. И. Культура горожан русской провинции конца XVIII — первой половины XIX в.: опыт межрегионального исследования: автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2007. С. 7.

⁶ Костяилов Ю. В. Повседневность послевоенной деревни: из истории переселенческих колхозов Калининградской области. 1946–1953 гг. М., 2015. С. 10.

⁷ Щеглова Т. К. Устная история: учеб. пособие. Барнаул, 2011. С. 33, 35–36.

профессиональных устных историков, ведомого такими первооткрывателями, как Алан Невинс и Луис Стар»⁸, активизировался в 1970-е годы после выхода книги Пола Томпсона «Голос прошлого»⁹, продолжался в последующие десятилетия¹⁰. Охватывая всё новые страны, он вел к открытию центров изучения устной истории, проведению конференций и появлению специальных журналов по данной тематике. В СССР и современной России подобные центры стали возникать с середины 1980-х годов¹¹.

В ноябре 1989 г. по инициативе В. А. Бердинских в Кирове была проведена первая всесоюзная конференция по проблемам устной истории с участием представителей различных университетских центров, в том числе из Литвы и Украины. Вторая подобная конференция состоялась также в Кирове, а третья — в Калининграде в 1992 г.¹² Об энтузиазме, с которым тогда еще молодые историки интересовались устной историей, мы можем судить по собственным впечатлениям участника названных научных встреч. В связи с этим заслуживает особого упоминания Ассоциация устной истории, созданная в Калининграде в 1988 г. К началу 1992 г. она реализовала крупный исследовательский проект по сбору и анализу воспоминаний советских переселенцев в Восточную Пруссию, ставший образцовым для отечественной «устной истории»¹³.

Эта большая работа интересна не только тем, что представляет собой один из первых и самых удачных опытов применения данного подхода к изучению прошлого. Так, по прошествии четверти века ее руководителем Ю. В. Костяшовым были сделаны следующие справедливые выводы. Во-первых, собранный на рубеже 1980–1990-х годов материал уже не может более пополняться, разве что рассказами тех, кто в послевоенные годы был еще ребенком. Во-вторых, стало совершенно очевидно, что интервью «подлежат обязательной верификации другими видами источников», поскольку имеются «существенные ограничения, связанные с особенностью человеческой памяти, ее избирательностью, стремлением респондентов дать собственную, скорректированную временем и современными общественными установками, версию прошлого»¹⁴. В-третьих, несмотря на вышеназванные проблемы, собранный ранее материал остается уникальным и исключительно важным историческим источником для новых исследований, особенно по истории повседневности, поднимающихся «до серьезного обобщения и осмысления»¹⁵.

⁸ Oral History: an Interdisciplinary Anthology / eds D. K. Dunaway, W. K. Baum. Lanham, 1996. P. 7–8.

⁹ См.: Thompson P. The Voice of the Past: Oral History. Oxford, 1978.

¹⁰ См.: History of Oral History: Foundations and Methodology / eds T. L. Charlton, L. E. Myers, R. Sharpless. Lanham, 2007.

¹¹ Орлов И. Б. Устная история // Теория и методология истории. Волгоград, 2014. С. 335, 339, 346–347.

¹² Костяшов Ю. В. «Восточная Пруссия глазами советских переселенцев»: история одной публикации // Вторые всероссийские краеведческие чтения (Москва, 26–27 мая 2008 г.). Четвертые всероссийские краеведческие чтения (Челябинск, 20–22 мая 2010 г.). М., 2011. С. 149.

¹³ См.: Костяшов Ю. В., Гальцова С. П., Гедима А. Н. Восточная Пруссия глазами советских переселенцев: первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах. Калининград, 2003.

¹⁴ Костяшов Ю. В. Повседневность послевоенной деревни: из истории переселенческих колхозов Калининградской области. 1946–1953 гг. М., 2015. С. 11–12.

¹⁵ Смирнов Ю. Н. Российская империя: от колонизации до революции // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5, № 3. С. 876.

Об особенностях проектов «в жанре устной истории» предупреждал и Б. Н. Миронов, учитывая опыт исследователей-социологов, а не только историков. Не сомневаясь, что записи воспоминаний участников и очевидцев событий прошлого — «очень важный источник», он вместе с тем выделял в качестве ключевой «проблему репрезентативности данных опросов», поскольку те «дают очень субъективные и трудные для интерпретации данные»¹⁶. Следует прислушаться к мнению этого автора, который работал со сведениями анкет XIX–XX вв., хорошо знает трудности их составления и анализа, что не мешает использовать сведения, полученные при устных опросах, при условии добросовестной и профессиональной критики источника¹⁷. С тем, что «идея обретения знаний о прошлом через фиксацию устных рассказов» не нова и имела уже в XIX в. свое выражение в различных анкетах, особенно этнографического содержания, согласна и Н. Л. Пушкарева¹⁸. Когда же речь заходит о более традиционных обществах, то в комплексе с этнографическими методами анализ с помощью «устной истории» может уходить еще глубже в прошлое, что показали, например, исследования российских и монгольских ученых¹⁹.

Для нас вышеприведенные примеры и высказывания показательны прежде всего тем, что к «устной истории», с точки зрения перечисленных авторов, можно отнести не только сведения, собранные непосредственно в полевых исследованиях, но и уже отложившиеся записи, которые оказываются востребованными в более позднее время. Следующим закономерным шагом по пути еще более глубокого ретроспективного привлечения и анализа источников устного происхождения является понимание того, что необходимые записи не обязательно плод целенаправленной работы по их созданию в ходе интервью. Эти записи могли возникать вне специальных работ в рамках «устной истории», появиться до распространения приемов «устной истории», наконец, создаваться людьми, просто ничего не знавшими об «устной истории». Так, ряд исследователей (В. Е. Корнеев, М. Ф. Мокрова, С. О. Шмидт и др.) полагают, что в период активизации различных общественных организаций в послереволюционное время и подъема краеведческого движения (до репрессий 1930-х годов) устная история в России и СССР не только существовала (под иными названиями), но и «переживала своего рода расцвет»²⁰.

В ряде случаев приемы сбора и обработки устных материалов, которые применялись статистиками, краеведами, историками в XIX в., также по многим позициям адекватно соотносятся с современными методиками «устной истории». Так, продемонстрирована источниковая ценность для истории Самарского Поволжья середины XIX столетия записей устных рассказов сельского населения, сделанных

¹⁶ *Миронов Б. Н.* Дэвид Л. Рансел. Крестьянские матери: три поколения перемен в России и Татари [рец.] // Отечественная история. 2002. № 6. С. 196, 198.

¹⁷ *Миронов Б. Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. М., 2012. С. 224–226, 365, 449–451, 572.

¹⁸ *Пушкарева Н. Л.* Устная история и гендерная история: сближение и перспективы развития // Общественные науки и современность. 2012. № 1. С. 168–169.

¹⁹ См.: *Билзет Лувсанвандан, Деревянко Е. И.* Этногенез и устная история монголов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2000. Т. VI. С. 481–485.

²⁰ *Щеглова Т. К., Дрожецкий Д. А.* Устная история (Oral History) в российской исторической практике 1920–1930-х гг.: к дискуссии о понятии и времени возникновения устной истории // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 4–2 (84). С. 255.

чиновниками и священниками²¹. Кроме того, устная традиция крестьян оказалась настолько устойчивой, что дожила в разных условиях и с различной степенью сохранности до своей письменной фиксации и публикации краеведами или научными экспедициями, чем пользуются ныне современные исследователи²². Такого запаса прочности не имела устная традиция в гораздо более изменчивом социальном и культурном бытовом пространстве городов, даже провинциальных, которые в XIX–XX вв. быстро трансформировались сами и меняли состав жителей, оставляя старожилов в меньшинстве и обрекая их устные предания на забвение. Самара стала редким исключением, где были сохранены представления о прошлом рядовых жителей из числа купцов, мещан, разночинцев, составлявших в городе «молчаливое большинство» на переломе, который, как считают некоторые исследователи, переживала культурная жизнь провинции в 1840-е годы²³. Сохранилась эта устная память в записях, которые сделал Г. Н. Потанин (1823–1910), учитель Самарского уездного училища, основанного в 1825 г. с ведома Александра I²⁴. Здесь Потанин, окончив симбирскую гимназию, начал работать в 1847 г.²⁵

Как показала Л. М. Артамонова, в общественных и исторических взглядах Г. Н. Потанина сочетались демократические взгляды и гражданская активность интеллигента-разночинца с глубокими религиозными убеждениями искренне верующего человека. В 1858 г. из-за конфликта с властями он был перемещен «в уездное училище захолустной Бугульмы», а в 1859 г. вовсе уволен, после чего уехал в Петербург, где стал сотрудником журнала «Современник» и с помощью его издателя поэта Н. А. Некрасова смог «вновь устроиться на учительскую работу»²⁶.

Прежде небольшая, уездная Самара при Николае I стала в 1851 г. губернским городом и начала стремительно превращаться в крупный торговый, хозяйственный и культурный центр Поволжья. В ее населении всё более заметную роль играли пришлые элементы, не являвшиеся носителями местных традиций. В небольшой временной промежуток, пока окончательно не ушли в прошлое особенности жизни, быта, обычаев и преданий самарских горожан прежних времен, когда исчезающую устную традицию дореформенной эпохи еще можно было зафиксировать, эту возможность и реализовал местный учитель-краевед²⁷. Г. Н. Потанин был из числа

²¹ «Обретение Родины». Общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI — начало XX в.). Ч. 1. Очерки истории. Самара, 2013. С. 60–61.

²² Артамонова Л. М. Использование массовых источников и устных преданий при реконструкции освоения лесостепного Заволжья в 1750–1760-е гг. // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2012. № 27. С. 471–475.

²³ Бирюкова А. Б. Социокультурное пространство и повседневная жизнь поволжских городов первой половины XIX века (историографический аспект) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2009. № 1. С. 16–17.

²⁴ Артамонова Л. М. Политика в сфере народного просвещения в Поволжье (XVIII — первая половина XIX в.) // Российская история. 2013. № 2. С. 109.

²⁵ Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 360. Оп. 10. Д. 47. Л. 30.

²⁶ Артамонова Л. М. Рукописи Г. Н. Потанина «Записки о Самаре» и «Дедушка из Самары» — замечательные памятники «локальной» истории середины XIX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15, № 5–1. С. 232–233.

²⁷ Смирнов Ю. Н. Устная история «молчаливого большинства»: основные вехи прошлого Самары в представлениях купцов и мещан середины XIX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15, № 5–1. С. 220–228.

тех пока немногих провинциальных интеллигентов, которые принимали участие в научной «деятельности обществ, появившихся в столицах и университетских городах»²⁸. Благодаря этому составленные им рукописи «Записки о Самаре» и «Дедушка из Самары» оказались в архиве Русского географического общества (РГО). Они были получены в РГО в середине января 1854 г.²⁹ Следовательно, окончательно они были подготовлены и отправлены из Самары в Петербург до конца 1853 г.

Обращает на себя внимание тот факт, что почти в это же время, а именно в 1852 г., во Франции отмечен один из первых случаев использования выражения «устная история» (Барбэ д'Оревилли). Правда, не прослеживается никакой прямой связи между Потаниным и вышеупомянутым французским писателем-романтиком, которого некоторые исследователи считают автором этого термина³⁰. Впрочем, не было у русского учителя связи и с теми авторами (Ш. Дайбл, Л. Драпер), которые, по утверждению Д. Н. Хубовой, употребляли словосочетание «устная история» еще раньше, в 1830–1840-е годы³¹. Однако несомненно, что на трудах, созданных в разных странах, сказывались научные и творческие тенденции, присущие общему модернизационному процессу. Он шел в этих странах с разной скоростью, но в одном направлении, порождая в России потребность в «более глубоком усвоении европейских культурных, политических и социокультурных стандартов»³².

Не зная и не употребляя выражения «устная история», Г. Н. Потанин самостоятельно сделал для себя выводы, близкие к рассуждениям занимающихся ею специалистов. Если история, в данном случае города Самары, в силу различных причин оказалась лишена «письменных фактов», то он считает необходимым почерпнуть отсутствующие сведения из «устных рассказов» знающих старожилов³³. Вместе с тем он осознает, что основывать полноценное историческое повествование только «на изустных преданиях почти невозможно». «Из разговоров и вообще того, как отзываются старожилы о некоторых происшествиях», обоснованно полагал Г. Н. Потанин, можно лишь выяснить, какое именно явление или событие «имело огромное впечатление на народ и сильно врезалось в его память»³⁴.

Рукописи Г. Н. Потанина являются двумя частями общего труда. На второй из них — «Дедушка из Самары» — в РГО поставили две пометы, говорящие об этом: «Из Самары от учителя Потанина» и «Продолжение статьи»³⁵. В «Записках о Самаре» дается авторский текст. В него в виде пересказа или прямой речи обильно вставлены сведения, полученные от информаторов Г. Н. Потанина. Они представляют население города, которое в рукописях обобщенно именуется «здешним

²⁸ Artamonova L. M. Modernization of “Collective Beliefs” and “Cultural Capital” in the Russian Empire: from Enlightened Absolutism to Civil Society // Былые годы. Российский исторический журнал. 2016. № 41-1 (3). С. 903.

²⁹ Научный архив Русского географического общества (далее — НА РГО). Разряд 34. Д. 19. Л. 24.

³⁰ Ульянова С. Б. Изучая прошлое: новые методы, новые подходы // Труды Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого. 2008. № 508. С. 4.

³¹ Хубова Д. Н. Устная история и архивы: зарубежные концепции и опыт: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. С. 19.

³² Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3 т. СПб., 2015. Т. 2. С. 60.

³³ НА РГО. Разряд 34. Д. 15. Л. 4 об.

³⁴ Там же. Л. 9 об.

³⁵ НА РГО. Разряд 34. Д. 19. Л. 24.

народом»³⁶. «Дедушка из Самары» построен в форме диалога Г.Н. Потанина с собеседником (собеседниками). Здесь полностью преобладает прямая речь. Как современный исследователь-«интервьюер», Г.Н. Потанин направляет этот диалог в русло интересующих его тем и вопросов, иногда дает свои комментарии. Его «информатор»-рассказчик часто выходит за рамки заданных вопросов, излагая то, что ему кажется более важным и интересным. Этот текст нельзя считать стенограммой. Конечно, записи прошли обработку, но остались максимально приближенными к первоначальной устной основе. Об этом говорят попытки Г.Н. Потанина транскрибировать диалектные особенности речи самарских собеседников, расставить ударения, воспроизвести междометия и т.п.

У собеседника в «Дедушке из Самары» есть индивидуальные внешние и биографические характеристики, но, скорее всего, перед нами собирательный образ самарского старожилла. Г.Н. Потанин называет его то Филиппом Федоровичем, то Кузьмой Федоровичем, не упоминая фамилии. Кроме того, как показано выше, Г.Н. Потанин сам говорил о собирании «устных рассказов» и «изустных преданий» у старожиллов во множественном числе. Он неоднократно именуется своего собеседника «Самарским Геродотом». Может показаться, что неуместно представлять очень старого, уже незрячего купца «отцом истории» Самары, но это совершенно правильно подчеркивает то обстоятельство, что речь идет об «устной истории». Подобно тому, как у Геродота впервые отдельные устные рассказы и легенды оказались связаны в последовательный и законченный исторический текст, так из «изустных преданий», собранных в Самаре, сплетается канва истории этого волжского города. По сути, в роли «Самарского Геродота» выступает именно Г.Н. Потанин. Однако он подчеркнуто отдает звучное имя тому, кто сам является носителем традиций и преданий «здешнего народа».

Устная традиция воспроизводится Г.Н. Потаниным очень точно — практически никак не корректируется документами или сочинениями историков. Это понижает значение его рукописей как научных трудов, но заметно повышает их ценность как редкого по достоверности источника о коллективных представлениях горожан русской провинции в предреформенное время. Оправдывая свои исследовательские приемы, Потанин ссылается на гибель письменных документов в недавних больших пожарах Самары³⁷. Тем не менее следует полагать, что он сознательно отказался от сбора и использования письменных источников (печатных и рукописных) в своих трудах и сосредоточился на записи устных рассказов старожиллов и собственных наблюдений. Среди причин такого подхода можно предположить отсутствие времени и средств для занятий в библиотеках столичных, университетских и старых губернских городов, невысокое общественное положение для получения официальной или архивной информации в государственных учреждениях, да и неумение профессионально работать с подобной информацией. Главным же был внутренний настрой на внимание не столько к историческому факту, сколько к слову. Г.Н. Потанин с особым удовольствием выступает как филолог, внимательно вслушивается в не совсем привычную речь коренных жителей Самары: «Живя и воспитываясь в Симбирской губернии, язык который по справедливости может назваться правильным, мне новоприбывшему более были заметны и неправиль-

³⁶ Там же. Л. 6 об., 11, 13.

³⁷ НА РГО. Разряд 34. Д. 15. Л. 9 об.

ности здешнего языка, и склад речи, и выговор самарян». Исходя из этого, его привлекали «выпуклые особенности здешнего наречия»³⁸.

Записи Г. Н. Потанина, насыщенные грамматическими, лексическими и фонетическими замечаниями по поводу отступлений от литературного языка, показывают настойчивое желание с точностью до звука и до интонации точно передать речь собеседников, изъяснявшихся «самарским народным слогом»³⁹. Конечно, когда такая задача становится первоочередной, критика источника отходит на задний план. Однако, как ни странно на первый взгляд, это и делает записи Г. Н. Потанина особо ценными для современного историка. «Ученые труды» любителей старины с уровнем подготовки провинциального гимназиста, каким и был составитель «Записок о Самаре», встречаются не очень часто, но повсеместно. Искреннее же и добросовестное воспроизведение рассказов простых горожан является уникальным. Следует учесть, что исторические представления самарских горожан отражены неполно также и вследствие того, что Потанин не задает им вопросы, выходящие за местные рамки. Собеседники не касаются исторических событий, деятелей, явлений всероссийского масштаба или зарубежной истории.

Сознательный отказ от письменных источников вовсе не упрощал задачу по сбору необходимого материала. Устную информацию приходилось добывать тоже не без труда — у местных жителей, по оценке Потанина, весьма скрытных и недоверчивых, чья «неприветливость, или, правильнее сказать, грубость обращения с посторонними здесь простирается до невероятия»⁴⁰. Судя по всему, происхождение Г. Н. Потанина (он был из крепостных дворовых людей), скромный социальный статус учителя в уездном училище, невеликий материальный достаток способствовали установлению доверительных отношений с самарскими жителями из купцов, мещан, казаков и разночинцев. Дело доходило до того, что после доброжелательных искренних слов в его адрес («Да! ты ведь бишь наш брат простой, тебе можно баять все») без стеснения следовали резкие негативные оценки помещичьего сословия, сделанные собеседником: «А признаться тебе, больно мне не по нутру наши русски баре... А кормилец-барин оберет русского человека, да выпустит по миру... Вот те и отец родной угостил, знать, сумой! На то-то, говорит, я и барин, чтобы ел, а вы — подлецы собирали...»⁴¹ Надо подчеркнуть, что учитель с явным сочувствием и без самоцензуры вставлял эти и подобные им реплики в свои рукописи, когда еще продолжалось царствование Николая I.

Взгляд изнутри на провинциальную повседневность купеческо-мещанского большинства горожан позволял увидеть существование многих идущих из старины обычаев, зачастую не заметных людям, хотя и внимательным, но представляющим иную культурную среду, отчужденную от здешних традиций. Вместе с тем Потанин, исходя из собственных исследовательских интересов, обходил вниманием проявления ряда новых веяний в культуре, достигших Самары. С превращением города в губернский центр здесь развивались любительский и профессиональный театр, музыкальное и другие виды искусства, светские развлечения и клубное времяпрепровождение. Обо всем этом Г. Н. Потанин или не упоминал вовсе, или гово-

³⁸ Там же. Л. 49 об.

³⁹ Там же. Л. 59.

⁴⁰ Там же. Л. 16 об., 23 об.

⁴¹ Там же. Л. 51–52.

рил вскользь. Зато он постоянно обращался к традиционным формам досуга, среди которых были состязания, требовавшие хорошей физической формы и ловкости: заплывы через Самару и даже Волгу, ныряние под барки и «подчалки»-баржи (иногда разом под две-три, поставленные борт о борт), конные скачки, скоростные катания по льду на тройках, мастерами управления которыми были даже женщины.

Подмеченное Г.Н. Потаниным отчуждение рядовых жителей Самары от современных социальных и культурных веяний имело и негативные последствия: «Несмотря на все сношения их с современным человеком, несмотря на все великие интересы, которые их должны бы тесно связывать с современностью, несмотря, наконец, на то, что по своей обширной коммерции они должны вникать и видеть все фазы современного человека, несмотря на все это, они все-таки остались и ещё остаются тем, чем они есть: невежеством и предрассудком». Из всех застарелых предубеждений, которые сохранялись у провинциальных купцов и мещан в середине XIX в., профессиональный учитель выделял «главный недостаток — нелюбовь к общественному образованию», т. е. к светской государственной школе. В уездном училище, где работал Г.Н. Потанин, «в таком многолюдном городе учеников собственно коренных жителей Самары весьма немного; большая же часть или дети чиновников, или дети переселенцев»⁴². Это объяснялось, как уже замечено в литературе, недостаточной мотивацией и потребностью населения в школьных знаниях⁴³. Правда, ситуация постепенно менялась к лучшему. Более того, в 1850-е годы «в купеческой среде проявляется стремление» дать своим детям высшее образование, но это относилось преимущественно к состоятельным купцам из старых губернских городов⁴⁴. В кругу общения Г.Н. Потанина столь образованных представителей купечества не было. Тем не менее в Самаре при поддержке как губернской администрации, так и органов самоуправления, представлявших интересы горожан, открывались новые школы⁴⁵. Во всяком случае, плоды образовательных усилий властей, общества и деятелей просвещения давали результаты. В молодой Самарской губернии в 1856 г. в 292 учебных заведениях училось 24 185 человек, что составляло 16,3 учащихся на 1 тыс. жителей. По данному показателю эта губерния немногим уступала столичной Петербургской (21,7 учащихся на 1 тыс. жителей), но превосходила Московскую (13,6 учащихся на 1 тыс. жителей)⁴⁶.

На уровне ретроспективного анализа данных «устной истории» одним из важных оказывается вопрос о хронологической глубине сохраняющейся в этой форме исторической памяти. По мнению ряда современных исследователей, такая память в устной традиции как в далекую старину, так и в новейшее время могла сохраняться до 80 или 100 лет. Однако уже на половине этого срока благодаря публикации воспоминаний свидетелей событий и трудов историков, усилиями властей, поли-

⁴² Там же. Л. 27, 38–39.

⁴³ Миронов Б. Н. Культурный капитал России за тысячу лет // Экономическая политика. 2013. № 1. С. 79, 82.

⁴⁴ Майорова А. С. Культурные новшества в среде купечества Саратовской губернии в конце XVIII — первой половине XIX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2014. Т. 14, № 2. С. 103.

⁴⁵ Артамонова Л. М. Просветительская деятельность самарского губернатора К. К. Грота: столичный чиновник в культурном пространстве провинции // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 2 (19). С. 158.

⁴⁶ Артамонова Л. М. Политика в сфере народного просвещения в Поволжье... С. 112.

тиков, общественности живая традиция в коллективном сознании и памяти вытесняется трактовками официальных документов, учебной и прочей литературы, скульптурными памятниками и т. п. Если подобные способы фиксации исторических событий не существуют или не имеют в обществе широкого распространения, то реальное прошлое замещается мифами⁴⁷.

Все эти наблюдения находят подтверждение в записях Г. Н. Потанина, еще раз подтверждая их неписьменное происхождение. То, что в этих записях мало дат, характерно именно для устной трансляции памяти. Наиболее ранняя точная датировка исторического события, которая не была обозначена самим составителем самарских рукописей для РГО, а появилась при дословном воспроизведении рассказов старожилов, относится к исходу основной массы калмыков из российских пределов. В изложении «Дедушки из Самары» живший некогда кругом города «черный Калмык» уже «лет восемьдесят пять, как ушел туда в степь»⁴⁸. Поскольку рукопись закончена в 1853 г., то бегство калмыков отнесено информатором, видимо, к 1768 г., на чем он, правда, не настаивает, подчеркивая приблизительный характер подсчета прошедших лет. В действительности это событие относится к 1771 г. Если даже и считать эту датировку ошибочной, то погрешность здесь очень незначительна. Вообще же неточность датировок, как и их малочисленность, также присуща устным источникам. Правда, в «Записках о Самаре» высказывание об избавлении Самары от степных соседей дано с иным подсчетом прошедших лет. В нем говорится, что «башкир-то с калмыком» ушли к Общему Сырту 60 лет назад, предоставив возможность заняться в степи хлебопашеством⁴⁹. Здесь, судя по всему, приведены подсчеты Г. Н. Потанина, а не его собеседников, что свойственно именно этой рукописи, поскольку в ней, как уже было сказано выше, преобладает авторский текст.

Возможно, Г. Н. Потанин не совсем доверял высказыванию об исходе калмыков во времена детства самарского «Геродота», поскольку оно, казалось бы, противоречило рассказу того же собеседника о том, что уже гораздо позже его жена была похищена калмыками. Рассказ изобилует подробностями и не вызывает у учителя сомнений в своей правдивости. Однако похитителями в этом случае названы не «черные» (некрещенные), а некие «простые» калмыки, которые «всево-то лет пятнадцать убралась отсюда», а до этого умыкали местных женщин, если те допускали оплошность и не могли уберечься⁵⁰. Человеку, не знавшему подробностей быта Самары в то время, когда она соседствовала с кочевниками, а Г. Н. Потанин приехал сюда уже позже, трудно было увидеть разницу между различными группами калмыков. Его же собеседники эту разницу понимали, а растолковывать ее не сочли нужным. В данном случае однозначно речь идет не об основной массе калмыков-ламаистов, бежавших в XVIII в. в Джунгарию, а о крещеных калмыках, поселенных у города Ставрополя (современного Тольятти). Их, несших вместе с казаками воинскую службу, власти переселили из Заволжья на более дальние восточные пограничные

⁴⁷ См.: *Ассман Я.* Культурная память: письмо, память о прошлом и культурная идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 53–54; *Мельникова Е. А.* Трансформация исторической памяти: от устной исторической традиции к письменной // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 5. С. 19; *Кознова И. Е.* Историческая память российского крестьянства в XX веке: дис. ... докт. ист. наук. Самара, 2005. С. 55; и др.

⁴⁸ НА РГО. Разряд 34. Д. 19. Л. 6.

⁴⁹ Там же. Д. 15. Л. 15 и об.

⁵⁰ Там же. Д. 19. Л. 6.

рубежи России в 1843–1844 гг.⁵¹ То есть это произошло за десятилетие до создания рукописи «Дедушка из Самары», и здесь мы снова сталкиваемся с не совсем точной устной датировкой.

Приведенный выше пример показывает, как рассказы старожилов в записях Г. Н. Потанина то дополняют друг друга, то по-разному излагают и толкуют события. Нередко в случаях получения противоречивой информации Г. Н. Потанин поступает достаточно просто. Он помещает те сведения, которые не может согласовать или объяснить, в разные рукописи и таким способом уходит от необходимости критики источника. Это было бы неприемлемо для работы историка-профессионала. В данном же случае остается только поблагодарить Г. Н. Потанина, который сохранил разные варианты устной традиции, не «выбраковывая» и не смешивая их, оставив будущим исследователям богатый материал для анализа.

Такой же прием использовал Г. Н. Потанин и для недатированной части устной самарской истории, относящейся к более древним временам, когда он записал разные варианты местного предания о прибытии на место будущего города святого митрополита Алексия. В «Записках о Самаре» в авторском тексте была пересказана более правдоподобная, по крайней мере более реалистичная версия. Фольклорный, с фантастическими деталями, вариант легенды, которому Г. Н. Потанин отказывал в достоверности, также был записан и очень подробно воспроизведен⁵², на сей раз — словами собеседника в «Дедушке из Самары».

В случае еще одного «раздвоения» исторической памяти, которое связано с пугачевским восстанием, можно заметить подтверждение некоторых закономерностей сохранения и трансформации «устной истории», о которых уже говорилось выше. Здесь наглядно показано, как на 80-летнем пределе у современников-свидетелей еще сохраняется живая память о реальных событиях и вместе с тем происходит ее замещение в коллективном сознании мифами. Подобно повествованиям о св. Алексии, в тексте «Записок» содержится достоверный вариант рассказа о Пугачевщине в Самаре. Иная версия, приобретшая полусказочную форму, передается в дословном пересказе «Дедушки из Самары». В этой версии св. Алексей, придя на помощь жителям спасаемого им города, лишил зрения генерала Мансурова, командующего правительственными войсками в Заволжье, чтобы впоследствии исцелить его за то, что генерал и сам простил горожан Самары, примкнувших к повстанцам, и выпросил для них прощение у императрицы в качестве монаршей милости⁵³.

Реальные воспоминания о пугачевском восстании в «Записках о Самаре» предельно точны даже в подробностях, которые нельзя было бы найти в исторических сочинениях первой половины XIX в. Такие подробности есть в архивных документах, но с ними, как нам известно, Г. Н. Потанин не работал. Собеседник ему рассказывал так: «Это я вот уж сам видел, лет десятка я был тогда: тут вон на самом-то юру двое мотались на веселице; один-то черный такой, глаза-то выпучил страшны!.. Ну, евтих, кажись, уж сам Муфельсон вздел туда, больно вишь народ-то подбивали к Пугачу... Попов-ти целый год под судом содоржали, зачем, вишь, до-

⁵¹ Кузнецов В. А. Иррегулярные войска Оренбургского края. Самара, Челябинск, 2008. С. 277–278.

⁵² Там же. Д. 15. Л. 18 об.

⁵³ Там же. Д. 19. Л. 9 об. — 10.

пустили присягу взять городу. Много тогда, вишь, народу гибло безвинного...»⁵⁴ На основании следственных дел теперь точно установлено, что в Самаре были казнены два солдата — П. Волчков и Н. Курдюков, изменившие присяге и перешедшие на сторону повстанцев. Это их трупы испугали рассказчика, который тогда был еще мальчишкой. Самарские священники, которые на Рождество 25 декабря 1773 г. крестным ходом, колокольным звоном и молебном приветствовали вступление в город пугачевцев, действительно были затем арестованы и долго находились под следствием. Во время боя с карательной командой майора К. Муфеля 29 декабря погибло немало горожан. Их число и имена точно установить не удалось — тела погибших земляки подобрали и попрятали, а трупы тех убитых, кого не удалось найти, занесло снегом. Отвечая на допросах Г. Р. Державину, который вел следствие о самарских изменниках, жители города стояли на том, что среди повстанцев ни у кого из них не было ни родственников, ни знакомых, ни соседей⁵⁵.

При всех отличиях «реалистические» и «фантастические» варианты исторических преданий самарских горожан не противоречат друг другу в главном. Так, в легенде о плавании святителя Алексия самым важным и общим местом является пророчество о появлении Самары и ее процветании в будущем, а также само исполнение данного пророчества. Все «пугачевские» рассказы солидарны в том, что самарские жители не видели никакого зла от пугачевцев в отличие от карательных войск, принесших в город страх и беды. Кроме того, они единодушно утверждали, что почти все население Самары добровольно перешло на сторону Пугачева, в чем, кстати, убедилась следственная комиссия Державина. Наконец, справедливо их согласное указание на то, что все жители города, за отдельными исключениями, были помилованы верховной властью. Этот благоприятный исход в рассказах о Пугачевщине приписывается божественному промыслу и заступничеству св. Алексия⁵⁶.

Небесный покровитель Самары, или, как его называют в рукописях Г. Н. Потанина, «патрон города» и «горододержавец»⁵⁷, по преданиям, спасал город не раз. Так, однажды он ослепил башкир, которые «вредили городу»⁵⁸. Повторяющийся мотив ослепления тех, кто не по-доброму относится к Самаре, будь то степняки или екатерининский генерал, представляет собой перенос сюжета из канонического жития митрополита Алексия об исцелении им ордынской царицы, потерявшей зрение. Еще одним «странствующим» сюжетом в записях Г. Н. Потанина является деталь одной из легенд — о том, что митрополит Алексей приплыл в Самару на камне⁵⁹. Она, несомненно, заимствована из жития Антония Римлянина, прибывшего некогда именно этим способом в Новгород Великий по водам Ладожского озера и Волхова.

Вместе с тем можно расширить не только перечень фольклорных и агиографических заимствований в самарских преданиях, но и список их совпадений с документальными материалами, которые станут достоянием исторической науки позднее. О них сам Г. Н. Потанин и его информаторы не знали. Следовательно, совпадения

⁵⁴ Там же. Д. 15. Л. 10 об. — 11.

⁵⁵ История Самары: от воеводского управления до Губернской Думы. Книга первая. Самара, 2011. С. 87.

⁵⁶ НА РГО. Разряд 34. Д. 15. Л. 11.

⁵⁷ Там же. Д. 19. Л. 5.

⁵⁸ Там же. Д. 15. Л. 18 об. — 19.

⁵⁹ Там же. Л. 18 об.

в рассказах его собеседников со сведениями из письменных источников не были вызваны оглядкой на документы, приведшей к коррекции устной традиции. Так, в первой половине XVIII столетия В. Н. Татищев писал, что жители Самары вынуждены были надеяться на городские укрепления и пограничные линии, поскольку степные соседи кочевали «под самым городом» и неоднократно «киргисцы и калмыки людей били и в полон брали, и скот отгоняли»⁶⁰. Похожими словами о том же вспоминал «Дедушка из Самары», имея в виду вторую половину этого столетия: «Знашь, оно спали-то не так крепко, как ноне: в ты поры и во сне-то грезились всем Киргизы да Калмыки. Больно, знашь, озорничали, прах их побери. Это нони вон народ-то странный по степе цело лето бродит и спать домой не идет, там и спит в растяжку; ну а в ты поры не то было: бывало чуть к вечеру: все домой, скорее в город в перегончики бегут и едут»⁶¹. Ему вторит рассказчик из «Записок о Самаре»: «Бывало... только и знают в сполох жарят; бежишь, — што? — бабу, аль корову Калмык увез»⁶².

К исторической памяти жителей города очень близко подходит то, что «помнят» жители села Титовка, расположенного недалеко от Самары, и «рассказывают» чиновнику Н. А. Воронову, служившему в этом городе в одно время с Г. Н. Потаниным. Титовские крестьяне в XVIII столетии в поле «выходили не иначе, как большими партиями и с оружием», причем «женщинам особенно был опасен калмыцкий аркан». Эту запись Н. А. Воронов оставил в своей рукописи, предназначенной также для РГО, что уже говорит о неслучайном и не единичном интересе людей образованных к местным устным историческим сказаниям. Н. А. Воронов подчеркнул, что это лишь одно из «многих преданий» о калмыцких набегах, сохранившихся «в старых приволжских селениях на юг от Самары»⁶³. Уход калмыков в местной исторической традиции расценивался как положительный факт. В этой оценке «устная история» Самары расходилась с мнением современников из числа столичных обитателей. Екатерина II и ее окружение пытались вернуть калмыков, в том числе силой оружия, но не преуспели в этом. Критиковавший различные действия императрицы М. М. Щербатов обвинял власти в неспособности удержать в России этих нужных для страны подданных⁶⁴.

Самара же рассталась с беспокойными соседями не без облегчения. Охотнее стали прибывать переселенцы из других регионов. «С того времени вот и сторонний народ стал наплывать к нам», — объясняли Потанину собеседники-старожилы⁶⁵. Прежде, как они говорили, «все боялись нашей стороны». Например, в городах по Верхней Волге все жалели самарских торговых людей: «Откуда, говорит, ты? — ну из Самары, скажешь; — ох, как, говорит, это вы там живете-то? — калмыки-то, говорит, больно у вас там близко». Однако с благоприятными изменениями в заволжской степи «учуяли, как в Самаре живем мы по-простецки, ну вот и пошло, и навалились к нам со всех сторон... все сюда!..»⁶⁶.

⁶⁰ История Самары: от воеводского управления до Губернской Думы. Книга первая. С. 68.

⁶¹ НА РГО. Разряд 34. Д. 19. Л. 5 об.

⁶² Там же. Д. 15. Л. 18 об.

⁶³ Воронов Н. А. Описание Волжского побережья Самарской губернии и замечательнейших его местностей (1857 г.) / науч. ред. Ю. Н. Смирнов. СПб., 2015. С. 24.

⁶⁴ Щербатов М. М. Статистика в рассуждении России // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских (ЧОИДР). М., 1859. Кн. 3. Отд. 2. С. 25, 52, 56.

⁶⁵ НА РГО. Разряд 34. Д. 15. Л. 15 об.

⁶⁶ Там же. Д. 19. Л. 7.

В памяти жителей Самары к предвестиям Пугачевщины была причислена не только этническая драма калмыков, завершившаяся бегством в центральную Азию самого многочисленного народа волжских степей, но и массовая миграция сайгаков. «Года за два до Пугача, — говорит Самарский Геродот, — поднялась сайга с наших-ти мест, видимо-невидимо ее было; косяки, страх глядеть, тронулись чрез Волгу; шли, шли целых трое суток... А вот взаправду болтали в те поры, что такая оказия была к войне, так оно и вышло тогда»⁶⁷. От ушедших из ее окрестностей сайгаков Самаре остался в качестве геральдического памятника городской герб с изображением дикой козы.

В первой половине XIX столетия самым запомнившимся событием по своему драматизму и даже трагичности для жителей Самары стала «первая холера», как они называли страшную эпидемию 1830 г. Она отложилась в общественной памяти во многом благодаря крестным ходам, которые стали традиционными и проводились после того ежегодно: «Уныние, знашь, нашло на город-то, прятаться стали, кто куды... а как подняли ее, Владычицу матушку, да пошли все со слезами, вокруг города-то образа понесли; ну вот и калера отошла, с ептава самого дня, как рукой сняло, никто уж не умер больше. — Вот с евтой поры так уж все и ведется порядок на Воздвиженьё крестам ходить вокруг города»⁶⁸.

Здесь также можно найти оценочные и фактические совпадения устных воспоминаний с письменными документами. Так, с мнениями очевидцев, сохранными в рукописях Потанина, перекликаются выводы, сделанные ответственными чиновниками и образованными жителями города в официальной и личной переписке. И «молчаливое большинство» горожан, и их «образованное меньшинство», и представители власти согласны в следующем. Открытие храмов, несмотря на карантин, и разрешение проводить религиозные церемонии с массовым участием оказались верным средством для предотвращения «холерного бунта» в Самаре, поскольку ограничительные меры были практически бесполезны для поддержания карантина, но всерьез подрывали общественный порядок. Власти в данном случае пошли навстречу желанию горожан. Именно после крестного хода, состоявшегося в праздник Воздвиженья (14 сентября 1830 г.), медики, что работали в Самаре, и жандармские офицеры, которые следили за развитием ситуации в городе, отметили очевидное улучшение эпидемиологической обстановки. А уже после 18 сентября среди местных жителей не было ни умерших, ни вновь заболевших⁶⁹.

В качестве важных вех истории Самары в дореформенные десятилетия у собеседников Г. Н. Потанина фигурирует все больше датированных событий и происшествий. В их числе большие пожары 1807, 1848, 1850 гг., а также создание в 1851 г. Самарской губернии. Другие явления и события имеют или приблизительные даты, или остаются без них вовсе. Однако в рассказах все в более яркие краски окрашиваются картины новой городской застройки, развития инфраструктуры и торговли. Они иллюстрируются случаями и примерами, взятыми из жизни самих рассказчиков, их родственников и знакомых.

⁶⁷ Там же. Д. 15. Л. 10.

⁶⁸ Там же. Л. 20.

⁶⁹ История Самары (1586–1917 гг.). Самара, 2015. С. 192–194.

Чем ближе было содержание рассказов, выслушанных Г. Н. Потаниным, ко времени записи, тем больше преобладали в них подробности недавнего и повседневного, тем меньшее место занимало историческое далёко, осмысляемое как «старина». Грань между настоящим и прошлым, уходящей и живой традицией, становилась менее заметной. Конечно, события, современные для Г. Н. Потанина и жителей той Самары, уже давно стали для нас историей, а их описания — историческим источником. Они уникальны прежде всего как памятники «устной истории». На материалах, записанных в Самаре, оказалось возможным реконструировать представления об основных событиях и этапах прошлого, сложившиеся у купеческо-мещанского «молчаливого большинства» провинциального города дореформенной России. Оно же поведало Потанину, а через его записи — будущим поколениям, интересные особенности своей повседневной и религиозной жизни, обычаев и праздников, языка и фольклора. Дошедшие до нас записи бесед с самарскими жителями середины XIX столетия ждут более внимательного изучения специалистами различных областей гуманитарного знания, в том числе с использованием методов «устной истории».

Наличие интересного источника, появившегося в рассматриваемое время в Самаре, позволяет надеяться на выявление и по другим регионам записей, в которых могли быть зафиксированы взгляды «молчаливого большинства» населения дореформенной России на свое прошлое и настоящее. Возможности ретроспективного анализа материалов XIX в. в жанре «устной истории» заслуживают дальнейшего исследования.

References

- Artamonova L. M. Ispol'zovanie massovykh istochnikov i ustnykh predanii pri rekonstruktsii osvooeniia le-sostepnogo Zavolzh'ia v 1750–1760-ye gg. *Izvestiia of V. G. Belinsky Penzensa State Pedagogical University*, 2012, no. 27, pp. 471–475. (In Russian)
- Artamonova L. M. Modernization of “Collective Beliefs” and “Cultural Capital” in the Russian Empire: from Enlightened Absolutism to Civil Society. *Bylye Gody*. 2016, vol. 41, iss. 3, special iss. SI, pp. 899–907.
- Artamonova L. M. Prosvetitel'skaia deyatelnost' samarskogo gubernatora K. K. Grota: stolichnyy chinovnik v kul'turnom prostranstve provintsii. *Vestnik of Saint-Petersburg State University of Culture and Arts*, 2014, no. 2 (19), pp. 156–161. (In Russian)
- Artamonova L. M. Rukopisi G. N. Potanina “Zapiski o Samare” i “Dedushka iz Samary” — zamechatel'nye pamiatniki “lokal'noi” istorii serediny XIX veka. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*, 2013, vol. 15, iss. 5–1, pp. 229–237. (In Russian)
- Artamonova L. M. The State policy towards the public education in the Volga region in the eighteenth and the first half of the nineteenth centuries. *Rossiiskaia istoriia*, 2013, no. 2, pp. 101–113. (In Russian)
- Assman J. *Kul'turnaia pamiat': pis'mo, pamiat' o proshlom i kul'turnaia identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti*. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004, 363 p. (In Russian)
- Bilagt Luvsanvandan, Derevianko E. I. Etnogenez i ustnaia istoriia mongolov. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i soprodel'nykh territorii*, 2000, vol. VI, pp. 481–485. (In Russian)
- Biryukova A. B. *Sotsiokul'turnoe prostranstvo i povsednevnaia zhizn' povolzhskikh gorodov pervoi poloviny XIX veka*. PhD Diss. Samara, 2006, 353 p. (In Russian)
- Biryukova A. B. Sotsiokul'turnoe prostranstvo i povsednevnaia zhizn' povolzhskikh gorodov pervoy poloviny XIX veka (istoriograficheskiy aspekt). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2009, no. 1, pp. 15–20. (In Russian)
- Khubova D. N. *Ustnaia istoriia i arkhivy: zarubezhnye kontseptsii i opyt*. Abstract of PhD Diss. Moscow, 1992, 34 p. (In Russian)
- Kobozeva Z. M. Meshchanstvo gorodov Samarskoy i Simbirskoy gubernii v prostranstve vlasti i povsednevnosti. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki*. 2014, no. 2 (30), pp. 22–31. (In Russian)

- Koznova I. E. *Istoricheskaia pamyat' rossiyskogo krest'yanstva v XX veke*. PhD Diss. Samara, 2005, 509 p. (In Russian)
- Kostyashov Yu. V. "Vostochnaia Prussia glazami sovetskikh pereselentsev": istoriia odnoy publikatsii. *Vtorye vserossiyskie krayevedcheskie chteniia (Moskva, 26–27 maia 2008 g.)*. *Chetvortye vserossiyskiye krayevedcheskiye chteniya (Chelyabinsk, 20–22 maia 2010 g.)*. Moscow, Krayevedenie Publ., 2011, pp. 148–151. (In Russian)
- Kostyashov Yu. V. *Povsednevnost' poslevoyennoi derevni: iz istorii pereselencheskikh kolkhozov Kaliningradskoi oblasti. 1946–1953 gg.* Moscow, Politicheskaia Entsiklopediya Publ., 2015, 264 p. (In Russian)
- Kostyashov Yu. V., Gal'tsova S. P., Gedima A. N. i dr. *Vostochnaia Prussia glazami sovetskikh pereselentsev: pervye gody Kaliningradskoi oblasti v vospominaniakh i dokumentakh*. Kaliningrad, Kaliningrad State University Press, 2003, 336 p. (In Russian)
- Koshman L. V. *Gorod i gorodskaiia zhizn' v Rossii XIX stoletii: sotsial'nye i kul'turnye aspekty*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008, 448 p. (In Russian)
- Kuznetsov V. A. *Irreguliarnye voiska Orenburgskogo kraia*. Samara; Chelyabinsk, Chelyabinsk CNTI Publ., 2008, 478 p. (In Russian)
- Kupriyanov A. I. *Kul'tura gorozhan russkoi provintsii kontsa XVIII — pervoi poloviny XIX v.: opyt mezhrigional'nogo issledovaniia*. Abstract of PhD Diss. Moscow, 2007, 53 p. (In Russian)
- Maiorova A. S. Kul'turnye novshesva v srede kupechestva Saratovskoy gubernii v kontse XVIII — pervoi polovine XIX veka. *Izvestiia of Saratov University*. New series. Series History. International Relations, 2014, vol. 14, no. 2, pp. 100–107. (In Russian)
- Meĭnikova E. A. Transformatsiia istoricheskoi pamiati: ot ustnoi istoricheskoi traditsii k pis'mennoi. *Vestnik of N. I. Lobachevsky Nizhegorodsky University*, 2014, no. 5, pp. 18–24. (In Russian)
- Mironov B. N. *Blagosostoyanie naseleniia i revoliucii v imperskoi Rossii: XVIII — nachalo XX veka*. Moscow, Ves' Mir Publ., 2012, 848 p. (In Russian)
- Mironov B. N., Ransel D. L. Krest'ianskie materi: tri pokoleniia peremen v Rossii i Tatarii [rev.]. *Otechestvennaia istoria*, 2002, no. 6, pp. 196–199. (In Russian)
- Mironov B. N. Kul'turnyi kapital Rossii za tysyachu let. *Ekonomicheskaiia politika*, 2013, no. 1, pp. 62–95. (In Russian)
- Mironov B. N. *Rossiyskaia imperia: ot traditsii k modernu*. In 3 vols. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2015, vol. 2, 912 p. (In Russian)
- Orlov I. B. Ustnaia istoriia. *Teoriia i metodologiia istorii*. Volgograd, Uchitel' Publ., 2014, pp. 335–355. (In Russian)
- Piksanov N. K. *Oblastnye kul'turnye gnezda. Istoriko-kraevednyi seminar*. Moscow; Leningrad, Gos. Izdatel'stvo, 1928, 148 p. (In Russian)
- Pushkareva N. L. Ustnaia istoriia i gendernaia istoriia: sblizhenie i perspektivy razvitiia. *Obschestvennye nauki i sovremennost*, 2012, no. 1, pp. 168–176. (In Russian)
- Shcheglova T. K. *Ustnaia istoriia: uchebnoe posobie*. Barnaul, Izdatel'stvo Altaiskoi gosudarstvennoi pedagogicheskoi akademii AltGPA Publ., 2011, 364 p. (In Russian)
- Shcheglova T. K., Drozhetskiy D. A. Ustnaia istoriia (Oral History) v rossiiskoi istoricheskoi praktike 1920–1930-kh gg.: k diskussii o poniatii i vremeni vozniknoveniia ustnoy istorii. *Izvestiia of Altaysk State University*, 2014, no. 4–2 (84), pp. 254–260. (In Russian)
- Shcherbatov M. M. Statistika v rassuzhdenii Rossii. *Chtenija v Imperatorskom Obshestve istorii i drevnostej rossijskikh (ChOISR)*, 1859, book 3, dep. 2 "Domestic materials", pp. 1–96. (In Russian)
- Smirnov Yu. N. The Russian Empire: From Colonisation to Revolution. *Quaestio Rossica*, 2017, vol. 5, iss. 3, pp. 869–881. (In Russian)
- Smirnov Yu. N. Ustnaia istoriia "molchalivogo bol'shinstva": osnovnyie vekhi proshlogo Samary v predstavleniiah kuptsov i meshchan serediny XIX veka. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*, 2013, vol. 15, no. 5–1, pp. 220–228. (In Russian)
- Thompson P. *The Voice of the Past: Oral History*. Oxford, Oxford University Press, 1978, 257 p.
- Ul'yanova S. B. Izuchaia proshloe: novye metody, novye podkhody. *Trudy of Peter the Great St. Petersburg Politechnic University*, 2008, no. 508, pp. 3–11. (In Russian)
- Voronov N. A. *Opisanie Volzhskogo pribrezh'ia Samarskoi gubernii i zamechatel'neishikh ego mestnostei (1857 g.)*. Ed. by Yu. N. Smirnov. St. Petersburg, Russian National Library Publ., 2015, 118 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 5 декабря 2017 г.
Рекомендована в печать 30 марта 2018 г.